

K 541
A-53

В. И. Дмитриева

ВРАЧИ-НИЖЕГОРОДЦЫ

К521

Д.53

В. И. Дмитриева

ВРАЧИ- НИЖЕГОРОДЦЫ

80188

ЦБС Сормовского р-на

* 8 8 1 6 8 *

Библиотека им. 1-го МАЯ
Сормовского района
г. Горького

ГОРЬКОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1960

В книге рассказывается о жизни и деятельности передовых врачей-нижегородцев XIX—начала XX вв., внесших свой вклад в развитие медицинского дела в нашем крае, о медицинских работниках — участниках революционного движения. Книга рассчитана на врачей, студентов-медиков, историков, краеведов и на всех, кто интересуется прошлым нашего города.

ПРЕДИСЛОВИЕ

День и ночь тысячи врачей и сестер стоят на страже нашего здоровья. Если вы заболели, вы вызываете врача на дом или идете в поликлинику, бесплатно получаете квалифицированный врачебный совет, помощь и больничный лист. Если вам нужно длительное лечение, врачи направляют вас в больницу, диспансер или санаторий. Случится ли с кем несчастный случай — и машина „скорой помощи“ быстро доставит пострадавшего в ближайшую больницу, где врачи незамедлительно предпримут все необходимые меры, чтобы спасти ему жизнь и восстановить здоровье.

Тысячи врачей и других работников советского здравоохранения предотвращают возможности возникновения заболеваний, заботятся о благоустройстве жилищ, обеспечивают условия труда на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, наблюдают за общественным питанием, торговлей и т. п.

И так это дни и ночи. Каждый на своем посту, каждый выполняет свои обязанности.

Кажется, что так было всегда. И только оглянувшись назад и то недалекое прошлое, которое отделило нас всего несколькими десятками лет, мы сможем понять, как существенно изменились за годы Советской власти условия жизни и труда советских людей, какие значительные изменения произошли в деле охраны здоровья народа. Примером этому могут служить и наш город. Тысячи благоустроенных новых домов появились в городе, асфальт покрыл

сплоченный и, несмотря на тяжелые условия труда, добросовестно выхаживал своих пациентов.

Во время сыпнотифозной эпидемии 1892 года в больнице переболело 70% работников. В. И. Косарев писал: „Очень много! Особенно при вознаграждении (наградных не полагается) 5—6 рублей в месяц для служителей и сиделок и при той массе работы, которая существует в больнице... на 24 больных полагается по штату 1 фельдшер, 3 сиделки и 1 чернорабочий, почему приходится каждому из служителей при больных ежедневное восьмичасовое дежурство, кроме обыденных занятий по уборке палат и пр. Прибавьте к этому еще то обстоятельство, что тифозный больной совмещает в себе сразу, так сказать, двух больных: и больного умалишенного, могущего ежечасно выскочить в окно, и такого больного, которому нужно помочь во всем и накормить и подать все, что потребуется, и поворотить и т. д. Я позволил себе так подробно распространиться о тяжелом положении низших служащих в больнице, о трудной задаче их выйти невредимыми или, по крайней мере, сколотить какое-либо обеспечение своей семье ввиду того, что в последнее время возбуждается вопрос, как в Нижегородской думе так и в общей печати, о выдаче пенсий семьям погибших при уходе за заразными больными“.¹

В 1895 году Нижний Новгород готовился к Всероссийской сельскохозяйственной и промышленной выставке. Ожидался большой наплыв людей, а следовательно, нарастала опасность вспышки инфекционных заболеваний. Это заставило городскую думу в 1895 году построить третий барак и пригласить второго врача. Теперь в больнице было 80 коек (60 постоянных и 20 запасных).

В 1901 году в больнице был выстроен четвертый барак, где разместили бактериологическую лабораторию, аптеку, контору и приемный покой с четырьмя койками. Количество изолированных отделений возросло до пяти. Однако и такое количество отделений не удовлетворяло потребностей города. Большое коли-

¹ Косарев В. И., Материалы к истории нижегородской барачной больницы, т. I, стр. 47.

чество больных скарлатиной, возвратным тифом, постоянные эпидемии холеры заставили в 1908 году открыть еще один, пятый, барак с изолированными отделениями для различных инфекций.

В. И. Косарев работал в Н. Новгороде до 1904 года. Он принимал участие в различных общественных мероприятиях, проводимых передовыми врачами Нижнего Новгорода. Он состоял членом Нижегородского отдела Русского общества охранения народного здоровья, где встречался с Е. П. Пешковой, П. П. Кащенко, В. Н. Золотницким и другими прогрессивными деятелями.

Вместе с В. Н. Золотницким В. И. Косарев написал свидетельство о тяжелом состоянии здоровья А. М. Горького, когда А. М. Горький в 1901 году был арестован и заключен в нижегородскую тюрьму. В свидетельстве указывалось, что в мокроте у А. М. Горького имеются туберкулезные палочки. Такой анализ мог сделать В. И. Косарев благодаря тому, что имел микроскоп. Это свидетельство помогло освобождению А. М. Горького из тюремного заключения.

В барачной больнице находили работу лица, состоящие под надзором полиции, занимавшиеся революционной деятельностью, и сам В. И. Косарев оказывал помощь революционерам.

В марте 1904 года В. И. Косарев уехал с отрядом на Дальний Восток и больше в Нижний Новгород не возвращался. Последние годы жизни он работал санитарным врачом в Ялте, где и умер в 1912 году.

Сергей Сергеевич Вознесенский

Сведения о жизни и деятельности С. С. Вознесенского очень скудны, но из имеющихся документов встает замечательный образ врача-гуманиста, стремящегося к просвещению народа, понимающего, что грамотность необходима трудящимся в их борьбе за лучшую жизнь.

С. С. Вознесенский родился в 1864 году в семье мелкого служащего Нижегородского губернского земства. Окончив в 1890 году медицинский факультет

Московского университета, С. С. Вознесенский поступил на службу в Нижегородскую психиатрическую лечебницу, где главным врачом был в этот период П. П. Кащенко.

В 1894 году С. С. Вознесенский перешел на работу в Ардатовское уездное земство и стал врачом Выксунского врачебного участка.

На Выксунских железоделательных и чугунолитейных заводах работали тысячи рабочих. Тяжелые условия работы, отсутствие какой бы то ни было охраны труда и полуголодное существование крестьян, приписанных ранее к заводам и продолжавших работу на них, приводили к множеству заболеваний. В Ардатовском уезде постоянно имелись заболевания тифами, натуральной оспой, сибирской язвой, чрезвычайно был распространен зоб.

В первые годы работы С. С. Вознесенского в Выксе земской больницы там не было и он вел только амбулаторный прием, добываясь в то же время постройки здания стационара.

Усилия его увенчались успехом. В 1896 году (1 октября) в Выксе была открыта больница, построенная на земле акционерного общества Выксунских горных заводов, на средства уездного земства и местного общества горно-заводских мастеров.

В больнице было четыре палаты: чистая хирургическая, две инфекционных (мужская и женская) и терапевтическая.

Число амбулаторных больных нарастало год от года. К доктору Вознесенскому стремились больные как к хорошему, отзывчивому человеку, внимательному и знающему врачу. За 1895 год амбулаторию посетило 6241 человек, в 1896 их было уже 10785, в 1897 году амбулатория пропустила уже 12884 человека и в 1898 году — 14877.¹

Рост числа больных, стремившихся на прием к доктору Вознесенскому, не снижался даже тем, что уездное земство установило так называемую „рецептурную“ плату, обязав врача взимать по 5 копеек с больного за каждый рецепт.

¹ Труды IV съезда земских врачей и представителей земств Нижегородской губернии, Н. Новгород 1899, стр. 181.

В стационаре больных было меньше, так как там взималось по 35 копеек в день за лечение заводских рабочих, из которых главным образом и состояло население Выксы и прилегающих к ней поселков. Крестьянское население, для которого, по мысли земства, и открывалась больница, проживало на расстоянии 15—30 верст от Выксы и обращалось в другие, ближайшие к ним врачебные участки.

Перед IV съездом земских врачей С. С. Вознесенский направил в губернскую земскую управу письмо, в котором писал, что в больнице невелико число больных, указывал на причины этого явления и ставил вопрос о переносе больницы в другое место. Такое же решение было принято и Ардатовским земством, но оно было опротестовано губернатором Барановым и в жизнь не проведено.

Выксунские горные заводы являлись крупнейшим в губернии промышленным центром и находились под пристальным наблюдением полиции. Начальник Нижегородского жандармского управления, сообщая департаменту полиции о своей деятельности за 1897 год, писал: „... село Выкса в настоящее время так же серьезно, как и село Сормово...“¹ Он писал об отдаленности Выксы, об удобстве водного сообщения с Нижним Новгородом и указывал: „Самое же главное, обращающее особое внимание, так это то, что в с. Выксе в 1894 году водворился состоящий под негласным надзором полиции врач Сергей Сергеевич Вознесенский, получивший там должность местного земского врача; он тотчас же начал сблизиться с некоторыми из более развитых рабочих.“²

С. С. Вознесенский не мог мириться с ужасающей темнотой народа, стремился обучить людей грамоте, дать им возможность получать хорошие книги. Он стал хлопотать об открытии библиотеки-читальни.

Такая библиотека была открыта в 1901 году, и С. С. Вознесенский являлся на протяжении ряда лет ее бессменным заведующим.

В то время он, вероятно, и не подозревал, что

¹ ГАГО, ф. 5, 1898, дело 67, лист 8.

² Там же.

его просветительская деятельность вызывает такое беспокойство у жандармов.

Жандармское управление все время вело за ним наблюдение, и, хотя по распоряжению департамента полиции негласный надзор за ним был в 1903 году прекращен, оно продолжало считать его неблагонадежным и упоминало об этом во многих донесениях. „Вообще сближение Вознесенского с подобными лицами (рабочими, мелкими служащими заводской конторы, учителями и пр.—В. Д.) и уклонение от знакомств более подходящих по его положению, в то время еще обращали особое внимание на него, как на личность подозрительную“, — писали жандармы в одном из донесений. В другом сообщалось: „Врач Вознесенский по убеждениям своим атеист, и все лица, сошедшиеся с ним близко, заражаются тем же направлением, распространяя безверие среди своих знакомых; по сведениям из агентурного источника, кружок Вознесенского получает изъяты из обращения сочинения Толстого...“¹

В 1904 году С. С. Вознесенский не был допущен к преподаванию гигиены в двухклассном Ардатовском училище; в том же 1904 году не утвердил губернатор в должности участкового попечителя комитета о народной трезвости,² но в библиотеке-читальне он продолжал работать, выполняя в то же время и многосложные обязанности участкового земского врача.

Положение С. С. Вознесенского осложнялось еще и тем, что в Выксе не было уездного врача и его часто привлекали к проведению судебно-медицинских исследований, к освидетельствованию пострадавших и т. д.

Между тем, вокруг библиотеки-читальни складывался постоянный кружок, в котором, помимо культурной работы, начала проводиться и революционная агитация и пропаганда. Тут же обсуждались и требования рабочих к владельцам заводов, разбирались конфликты с заводской администрацией, намечались формы протестов против беспощадной эксплуатации трудящихся. Библиотека-читальня получала неле-

¹ ГАГО, ф. 5, 1898, дело 67, лист 8.

² ГАГО, ф. 5, 1904, дело 14, лист 363, 509.

гальные издания, правильно разъясняющие события, происходящие в стране, тут же проходило и их обсуждение. Особенно бурными и горячими дебаты стали в 1904—1905 годах. В это время С. С. Вознесенский, вместе со своими детьми — сыном и дочерью, был активным организатором и участником собраний, распространял листовки и прокламации; сын Вознесенского — Михаил участвовал в изготовлении взрывчатой смеси и снарядов.¹

Жандармы писали: „... по наблюдению местной полиции Вознесенский, ведя знакомство с неподходящим элементом среди рабочей молодежи, вселяет им вражду против заводууправления, являясь исключительно сторонником рабочих, в силу чего, по показаниям свидетелей, среди местных жителей установилось мнение, что Вознесенский занимается политическими вопросами...“²

13 мая 1908 года Ардатовский уездный исправник произвел обыск в библиотеке-читальне, в больнице и в квартире С. С. Вознесенского. Протокол обыска гласит: „Оказалось, что портрет ныне царствующего государя императора брошен в чулан с разным хламом, а в читальне на видном месте вывешен портрет Герцена. На вопрос производящего обыск исправника, почему проявлено такое небрежное отношение к портрету монарха, заведующий библиотекой врач Вознесенский ответил: „Что же такое, это библиотека частная“. В комнате-читальне на самом видном месте помещена больших размеров печатная картина с надписью: „Освобождение крестьян“, к этой надписи добавлено в строку чернилами — „от земли“ и „обман 61-го года“. На замечание исправника о недопустимости подобных надписей в публичных местах, Вознесенский ответил: „На эти пустяки я никакого внимания не обращаю“.³

Как в самой библиотеке-читальне, так и в квартире С. С. Вознесенского и в больнице была обнаружена различная литература, запрещенная полицией—

¹ Материалы по истории революционного движения в Нижнем Новгороде, под редакцией В. Т. Илларионова, том 11, Н. Новгород 1922, стр. 68.

² ГАГО, ф. 5, 1908, дело 80, лист 13.

³ Там же, лист 15.

сочинения Герцена, журналы „Былое“, „Журнал для всех“ и т. д.

Решив избавиться от передового врача, полиция приняла следующее постановление: „Принимая во внимание вред, приносимый им населению, а также и то, что Вознесенский является вредным и опасным для общественного спокойствия, ходатайствовать перед г. нижегородским губернатором о выдворении врача Вознесенского из пределов Нижегородской губернии под гласный надзор полиции в одну из отдаленных губерний Европейской России“.¹

9 сентября канцелярия нижегородского губернатора сообщила жандармскому управлению: „Департамент полиции... уведомил, что по рассмотрению особым совещанием, образованным согласно ст. 34 положения о государственной охране, обстоятельств дела о враче Сергее Сергеевиче Вознесенском, изобличенном в хранении в заведываемой им народной библиотеке-читальне произведений тенденциозного содержания и в преступной пропаганде среди крестьян, г. министр внутренних дел постановил: подчинить Вознесенского гласному надзору полиции в избранном им месте жительства вне столиц, столичных и Нижегородской губерний, на два года, считая срок с 25 августа 1908 года“.²

Со службы С. С. Вознесенский был уволен 9 июня. Он поехал в Нижний Новгород, пытался найти защиту, но не нашел. Поступил на службу в Бугульминское земство Самарской губернии, но менее чем через месяц был уволен, так как самарский губернатор его не утвердил. То же самое произошло и в Муромском земстве, где он проработал менее двух недель.

В поисках заработка С. С. Вознесенский уехал в город Асхабад (теперь г. Ашхабад), где поступил на работу врачом Закаспийской железной дороги. Но через 2,5 месяца его уволили и оттуда.

В начале 1909 года, отчаявшись найти работу, С. С. Вознесенский приехал в Орел к своему брату. Оттуда он написал письмо председателю Нижегород-

¹ ГАГО, ф. 5, 1908, дело 80, лист 15.

² Там же, лист. 26.

ской губернской земской управы А. А. Савельеву, бывшему тогда членом 2-й Государственной думы.

С. С. Вознесенский писал, что он обращается к Савельеву потому, что знает о нём от своего отца, проработавшего в Нижегородском земстве почти 40 лет, что сам он уроженец Нижегородской губернии и прослужил в Нижегородском земстве более 18 лет, что он не имеет нигде никаких „влиятельных“ связей. Описав подробно результат обыска, произведенного исправником, он указывал в письме, что заведовал народной библиотекой-читальней в течение семи лет... Он писал: „По увольнении меня от государственной службы (в Нижегородской губернии) я получил аттестат, долженствующий играть роль паспорта. Но в нем сказано, что я уволен от государственной службы на основании ст. 20 об охране. Когда я показал некоторым товарищам врачам свой аттестат, то все они в один голос решили, что этого аттестата я нигде не должен показывать, так как он имеет характер волчьего билета и с ним не только на государственную и общественную службу ни за что не примут, но могут не принять и на фабрику или на завод. Остается так называемая вольная практика. Но, во-первых, она мне не особенно по душе, а во-вторых, не всегда можно на нее рассчитывать... Создается такое положение: кругом эпидемии тифа, грядет холера, во врачах недостаток, а я должен класть зубы на полку. Вследствие всего вышеизложенного, обращаюсь к Вам, глубокоуважаемый Александр Александрович, с покорнейшей и убедительной просьбой, не найдете ли Вы возможным исходатайствовать у Столыпина отмену столь суровой кары, наложенной на меня, в частности, снять гласный надзор и разрешить въезд и проживание в Нижегородской губернии, а главное, мне важно, чтобы мне было разрешено служить в земствах Нижегородской губернии (или в других губерниях), т. к. мне осталось дослужить пять лет до полной пенсии...“

Врач С. С. Вознесенский

25 февраля 1909 года, г. Орел, Новосильская улица.¹

¹ ГАГО, Личный архив А. А. Савельева, Письмо С. С. Вознесенского.

Мы не имеем документальных данных о последнем годе жизни С. С. Вознесенского, но можно с уверенностью считать, что после отправления письма он ждал помощи от Савельева, затем, не получив ее, вероятно, еще и еще раз пытался получить работу... и тоже ее не получил...

Оставшись без средств к существованию, не имея возможности видеть семью, которая оставалась в Выксе, куда ему въезд был запрещен, Сергей Сергеевич Вознесенский покончил жизнь самоубийством.

Владимир Яковлевич Кокосов

Жизнь В. Я. Кокосова являет собой пример того, как в самых ужаснейших условиях, среди невыносимых физических мук и нравственных страданий тысяч людей проявлялись высокие моральные качества русского врача.

В. Я. Кокосов родился 8 июля 1845 года в семье священника. Он рано лишился отца и вырос в семье деда по матери. Дед Кокосова занимался хлебопашеством и привил внуку умение не бояться трудностей и не стыдиться любого честного труда. Большое влияние оказала на взгляды Кокосова мать, учившая сына любить людей и стремиться принести в жизни как можно больше пользы простому народу.

Шести лет В. Я. Кокосов был отдан в духовное училище, а затем в Пермскую духовную семинарию (бурсу), где провел 10 лет. Сам Кокосов пишет, что только в 1859 году, с приходом в семинарию учителя А. П. Орлова, семинаристы узнали о существовании произведений классиков русской литературы, услышали об освободительном движении... „Орлов познакомил нас с Белинским, о котором мы до тех пор не слыхивали. Помню его страстные, убежденные беседы с нами о значении и личности Белинского, о крепостном праве, о Севастополе, о начавшемся освободительном движении, о Чернышевском, Добролюбове, о журнале „Современник“. Вскоре на имя мещанина Кудрявцева, в доме которого находилась одна из своекоштных квартир, в складчину по гривнам и пятиалтынным, были выписаны сочинения Белинского,

Владимир Яковлевич Кокосов (1845—1911).